

**Confessional and Economic Nature of the Old Believers' Hermitage
(Late XIX – Early XX Centuries)**

Elena E. Dutchak

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
Doctor of Science (History), Professor
E-mail: dee010@mail.ru

Abstract. The article looks at the question of minimizing economic risks in communities of Old Believer pilgrims. The research is bound to refine the dependence between interpretations of the eschatological concept of “hermitage” and the confessional and economic strategies and practices chosen by the religious group. These aspects in history of Old Belief are revealed in materials of criminal proceedings, polemic writings by pilgrims, and field studies of social and anthropological nature.

Keywords: Old Belief; eschatology; economic security; risks.

Введение. Экономические стратегии и практики старообрядчества давно попали в поле зрения историков российского предпринимательства. В настоящее время к доказанным можно отнести следующие положения: а) хозяйственная деятельность и трудовая этика староверов строятся на религиозной идее спасения веры и души, именно в этом контексте необходимо рассматривать их институты собственности, формы организации производства и интерес к техническим новшествам; б) в ходе исторического развития старообрядческими деноминациями (согласиями и толками) были апробированы артельный, корпоративный и частно-семейный типы хозяйствования с разным сочетанием технико-экономической, лабурально-этической и мотивационной сфер [1].

Вместе с тем необходимо отметить, что хозяйственные системы староверов изучены неравномерно. Прежде всего, это касается радикальных течений, чья догматика исключала «моление за власть», требовала разрыва с «никонианским миром», а социальная жизнь разворачивалась в условиях постоянной угрозы репрессий. К подобным сообществам относится старообрядческое согласие странников (бегунов), специальными исследованиями экономических особенностей которого остаются небольшие разделы в монографиях П.Г. Рындзюнского, А.И. Мальцева, Д.Е. Раскова и автора настоящей статьи [2; 3; 4; 5].

Такое состояние дел определили закрытость странников и как следствие фрагментарность прямых сведений об их повседневном укладе. В то же время достаточно большой массив косвенной информации, относящийся ко второй половине XIX – началу XX вв., позволяет продолжить изучение экономической системы согласия, поставив на его примере вопрос о путях и способах (механизмах и инструментах), с помощью которых дискриминируемое и эсхатологически ориентированное конфессиональное сообщество пыталось минимизировать социальные риски, сопутствующие хозяйственной деятельности.

Материалы и методы. Исходной точкой для установления этих процессов выступает тезис о том, что адаптивные по своей сущности стратегии и практики старообрядческих деноминаций коррелируют с базовыми концептами их вероучений. Для страннического согласия к таковым относится «пустыня», интерпретируемая как место, где в «последние времена» укроются «избранные остальцы», физическое выживание которых будет означать спасение христианской веры в целом.

Странническим вероучением (известным также как «учение о побеге») разработан механизм перемещения образа «бегущей истинной церкви» (Апок.12:13) в повседневную реальность, ключевым звеном которого является бинарная структура согласия. Любая бегунская община делится на разные по численности, объему власти и видам деятельности корпорации-страты. Функцию идейного руководства в согласии выполняют «христиане», после обряда «крещения в странство» живущие «в молитве и скрытно» и в выборе занятий ограниченные монашеским уставом и корпусом агиографических текстов. Им формально подчинены миряне-«христолюбцы», обязанные использовать преимущества своего легального состояния для содержания и защиты «пустыни» и ее обитателей.

Странническое сообщество знает два варианта устройства «пустыни», которые, воспользовавшись терминологией Д.Е. Раскова, можно представить как «традиционный» и «капиталистический» типы ведения дел. Первый, ориентированный на комплексную крестьянскую экономику с промышленной компонентой, восходит к пониманию «пустыни» как территории географически удаленной от «никонианского мира». Во втором ею признаются городские и сельские дома «благотетелей» со специально устроенными потайными комнатами. В них крещеные странники «без повреды веры» должны не только жить, вести богослужение, переписывать и составлять конфессиональные тексты, но и заниматься каким-либо ремеслом.

Именно эти территориально-хозяйственные формы религиозной жизни – рассеянная, рассредоточенная в домах благодетелей община в населенных пунктах и относительно компактное поселение монастырского типа в таежных окраинах страны – избраны нами для установления путей и способов, используя которые страннические сообщества конца XIX – начала XX вв., с одной стороны, создавали необходимый их хозяйствам «запас прочности», с другой – поддерживали баланс между идейной властью монашествующих и экономическими интересами мирян.

Основой для изучения этих взаимосвязанных процессов выступают архивные, полевые и камеральные исследования, ведущиеся автором с 1987 г. Эти материалы включают в себя документы по истории образования и эволюции страннических общин на территории Российской империи, беседы с современными странниками и сочинения лидеров согласия конца XIX – начала XX вв., затрагивающие вопросы участия в управлении общинной собственностью «христиан» и «христороубцев».

Обсуждение. *Пустынь как аллегория: конфессионально-хозяйственные стратегии и практики «скрывающихся в миру».* Наиболее последовательными сторонниками тезиса о допустимости проживания «крещенных христиан» в домах мирян стали странники-«статейники». Название конфессии восходит к программному сочинению Никиты Семенова (М.С. Киселева) «Статьи для управления братством» (1860 г.), обосновавшему правила «сокрытия в миру» и иерархическое строение согласия со строгим порядком соподчинения должностей и региональных общин [6]. Эти «реформы» были призваны найти новые формы существования странников, которые в обстановке репрессий помогали обойти запрет на создание скитских поселений.

Результатом стало не только относительно массовое вовлечение «крещеных христиан» в социальные обстоятельства жизни «христороубцев», но и складывание основ для предпринимательской деятельности самих монашествующих. Ответной реакцией на эти процессы стали споры «о мельнице и торговле» в 1910–1914 гг., в ходе которых сложился комплекс полемических текстов и соборных постановлений [7], позволяющий реконструировать вектор включения радикального крыла староверия в экономические реалии времени.

Начало событиям положил отказ ярославских купцов Понизовкиных финансировать «крещеных статейников», по их мнению, забывших о своем иноческом предназначении. Тогда же главным виновником происходящего был назван духовный глава толка А.В. Рябинин [8], обвиненный в организации слесарной и никелировочной мастерских, заведении бакалейной лавки и устройстве паровой мельницы.

Этот перечень занятий в совокупности с аргументацией самого А.В. Рябинина, в прошлом приказчика в лавке В.С. Кузнецова в Невьянском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии, позволяет охарактеризовать конфессиональную стратегию сторонников активного хозяйствования.

Во-первых, для них по-прежнему важным остается разграничение сфер деятельности крещенных и мирян и правило «не-владения» документами, официально оставляющими человека в числе подданных «антихристовой власти». («Я паспорта не имею, прав никаких торгово-промышленных не имею, то поэтому хозяином мельниц, лавки и дому не состою, и никакими торговлями не занимаюсь, и даже несколько не касаюсь к этим делам. И церковных дел не оставил», – напишет оппонентам А.В. Рябинин [9]). Во-вторых, их хозяйственная деятельность санкционирована тройной аргументацией – рациональной, прецедентной и эсхатологической. В итоге возникает доказательная база, где предпринимательство и средства производства представлены нейтральными, хотя и имеющими исторические корни, социальными явлениями («торговля по существу не виновна и святые торговали», «мельницы по существу не виновны») и одновременно догматически предписанным средством спасения веры – «мирские торгуют для прикрытия и пропитания христиан» [7. Л. 104, 108].

В совокупности, это оправдывало хозяйственную деятельность через подставных лиц, открывало путь техническим новшествам и использованию наемного труда, и что самое главное – позволяло монашествующим руководителям сохранять контроль над ситуацией. Подчеркнем, он был не только идеологическим («старшие должны советовать и учить христороубцев жить праведными трудами, по заповеди, в поте лица» [7. Л. 112 об.]), но и финансовым. Например, полемические тексты показывают, что на разных властных уровнях у «статейников» функционировала система дотаций и, возможно, кредита: «Ежели старший дал бы денег заимообразно христороубцам без процентов, а христороубцы на эти деньги приобрели бы что, и стали бы милостыню творить и странноприимствовать, то подлежит ли старший брат вине? Нет, не подлежит, потому что он исполняет этим Господню заповедь: хотящего заяти не отврати» [7. Л. 116].

Экономическое развитие и компенсацию рисков для странников-«статейников» обеспечивала введенная еще Н.С. Киселевым «властная вертикаль», с помощью которой появлялась легальная возможность переводить на ставропигиальное управление общины, расположенные в экономически развитых районах страны или проявляющие признаки оппозиционности, обязывать все региональные группы делать отчисления с получаемой от мирян «милостыни», а затем использовать эти деньги по своему усмотрению. Именно об этом недвусмысленно говорит обвинение единоверцев в превышении А.В. Рябининым своих полномочий: «Вы вторглись разбойнически в нашу область и

стали незаконно проводить избрание старейших»; «Ваше противоканоническое действие в том, что в 7420 [1912] году 10 сентября была представлена для проверки собору вся общая церковная сумма. И собором Вам была поручена помянутая сумма лишь на три или на четыре дня, а Вы оную всю церковную сумму содержите и задерживаете у себя» [9. С. 461, 466].

Соответственно, главным инструментом минимизации экономических рисков в толке «статейников» становились централизованные сбор и перераспределение средств в зависимости от того, что в данный момент времени руководство сообщества считало «благом церкви» – открытие новых мастерских, миссионерскую деятельность или пополнение общинных собраний древними рукописями или старопечатными изданиями. При таком порядке управления людьми и имуществом менеджерские таланты отдельных взятых руководителей (А.В. Рябинин, безусловно, ими обладал: «апостол сам лично торговал, а я сам не торгую, у меня на это особые люди определены, я только дела поставил и денег дал» [4. С. 199]) становились желательным, но вовсе не обязательным условием для наращивания экономического потенциала сообщества «статейников» и предотвращения влияния отдельных семей «христолюбцев» на принятие решений.

Очевидная эффективность конфессионально-экономической стратегии «статейников», переосмысливших и приспособивших к рынку «учение о побеге», ставит вопрос о резервах, которые были доступны странникам, придерживающимся буквальной трактовки концепта «пустынь» и ориентированным на традиционный тип хозяйствования.

2. *«Чувственная пустыня»: конфессионально-экономические стратегии и практики таежного скита.* Примером сообщества, настаивающем на «чувственном» (реальном) воплощении апокалипсических пророчеств о «бегущей церкви», являются странники томско-чулыской тайги. История их поселения, основанного в 1830-е гг. и существующего по сей день, дает материал для установления инструментов экономической стабилизации крестьянского потребительского хозяйства, созданного для реализации мессианских религиозных целей («Мир будет стоять до тех пор, пока жив хоть один странник» [10]).

Для начала приведем выявленные нами данные в хронологической последовательности:

☐ в 1848 г. властями арестованы 17 человек, нелегально жившие в «лесах Томского округа»; зафиксировано наличие у них жилых и хозяйственных построек, запасов хлеба и слишком большого для такого количества человек книг, написанных и напечатанных кириллицей [11];

☐ в 1874 г. для проверки слухов о том, что в тайгу съехалось около 80 «беспаспортных бродяг», организован рейд, в ходе которого арестовано меньше, чем рассчитывали власти – всего 43 человека, зато вновь обнаружилось «отлично устроенное хозяйство – с кузницей, слесарней, ветряной мельницей и библиотекой раскольнических книг, запасами хлеба и лошадьми» [12];

☐ в 1896 г. район обследован в рамках программы Императорского московского общества сельского хозяйства по изучению Сибири. Вывод независимых наблюдателей (впрочем, не подозревавших о том, что они находятся во владениях страннического монастыря) был удивителен для них самих: «степень культуры таежных хозяйств не только не ниже, а, напротив, часто выше таковой же в притаежных местностях»: таежные урожаи ржи стоят почти наравне с урожаями на местах открытых и на почвах чисто черноземных; урожаи пшеницы – с урожаями притаежными; только в урожаях овса, зерновой культуры чувствительной к заморозкам, тайга уступает другим регионам [13; 14].

Данные с очевидностью свидетельствуют о прочности и конкурентоспособности скитского хозяйства. Попытаемся разобраться в истоках «экономического чуда», учитывая природные и социально-демографические особенности таежной зоны: а) небольшой слой чернозема с близким залеганием глины и песка в таежных почвах и как следствие необходимость обработки их только ручным способом, с применением сохи и мотыги; б) отсутствие регулярной транспортной связи, очаговое размещение населения и одновременно его высокая мобильность в силу доминирования лесных промыслов и захватных форм освоения территорий; в) дефицит православных храмов и священников, объективно превращающих «скитских старцев» в хранителей православной культурной традиции в регионе. Именно эти обстоятельства определили характер отношений крещеных странников-монахов с «христолюбцами», которых они условно разделили на два типа. К «дальним благодетелям» отнесли тех, кто не имел возможности для частых поездок в скит, но был в состоянии отдавать деньги (в конце XIX – начале XX вв. ими стали купцы и мещане Казанской, Ярославской и Томской губерний). «Ближних» составили крестьяне окрестных деревень, имеющие займки в тайге, но в силу своего материального положения готовые оказывать содействие лишь трудом.

Такой расклад сил оказывался чрезвычайно удобным для скитников. Первые в силу пространственной удаленности не могли вмешиваться в повседневную жизнь таежного монастыря и оценивать степень ее соответствия странническому вероучению. У вторых не было инструментов для воздействия на консолидированную монашескую общину, обладающую к тому же средствами, например, для подкупа властей или помощи мирянам, попавшим в затруднительную ситуацию.

Значение финансовой поддержки «издалека» не исчерпывалось этим: деньги «христолюбцев» шли на покупку лошадей, инвентаря, семян и привлечение в «пустынь» неопитов. В частности, его механизм устанавливается по материалам уголовного «Дела об открытии в городе Казани секты

странников или бегунов» (1867–1869 гг.): умеющие толковать текст Апокалипсиса «проповедники» ходили по поволжским деревням и убеждали крестьянские семьи, чей жизненный уклад стремительно менялся в пореформенный период, ехать в сибирский скит. Так, «удавалось уводить многих странствовать на пароходах по веснам в леса Томской губернии» [15. Л. 75 об.].

Миссионерской публицистикой и позднее советской историографией такого рода факты трактовались как обман неопитов, становившихся бесплатной рабочей силой на таежных пашнях. Однако сегодня очевидно, что этим заключением не учтены особенности крестьянской религиозности второй половины XIX – начала XX вв. и, прежде всего, формирование в ответ на модернизационные реформы эсхатологически ориентированной «кризисной сети» и складывание религиозно-обоснованного варианта миграционного поведения [16]. Именно восприятие «пустыни» как места спасения в равной мере христианской веры и собственной души заставляло (и заставляет по сей день) людей, воспитанных в странническом вероучении, считать необходимым и правильным коллективный и безвозмездный труд.

Следовательно, связи между скитниками и мирянами-заимщиками или селянами не являлись ни благотворительностью, ни эксплуатацией в чистом виде. Они были естественным для таежной зоны типом социально-хозяйственных отношений, способным решать несколько взаимосвязанных задач: во-первых, сохранить «чувственную пустыню» – последней оплот православия в царстве победившего антихриста; во-вторых, создать подвижную сеть постоянных и сезонных заимок, обитатели которых специализировались на разных видах деятельности, благодаря чему возникало оптимальное соотношение между земледелием, промыслами и ремеслами без нарушения норм монашеского устава.

Отсутствие у томско-чулымских странников внешнего управленческого центра оказывалось для них благом: оно позволяло быстро перераспределить силы и средства в случае разгрома скита. Показательно, что даже разделение на рубеже XIX–XX вв. томско-чулымской общины на две противоборствующие группы «денежных» и «безденежных» не снизило экономического потенциала томско-чулымской «чувственной пустыни» в целом. В условиях стабильно функционирующих социальных сетей разного масштаба – «ближней» и «дальней» – разрешение скитникам пользоваться деньгами и самим вести торговые операции с «никонианским миром» или, напротив, признание душеспасительной только натуральной «милостыни» мирян – не привели к очевидному лидерству ни одной из них. Это случится гораздо позднее, в конце 1940-х гг., когда странникам уже невозможно будет наладить сколько-нибудь масштабный прием неопитов. В условиях стремительного разрушения дистанции между «скитом» и советской деревней и леспрохозом основным методом снижения экономических рисков станет сбор и продажа дикоросов, и потому для поддержания общины «на плаву» важным окажется догматически обоснованное решение не считать денежные знаки «печатью Антихриста».

Заключение. Сопоставление разных групп страннического согласия дает основание для некоторых выводов относительно природы конфессионально-экономических моделей, созданных религиозными сообществами, передающими монашествующим право на управление. Во-первых, монастырский устав и агиографическая традиция, фундирующие существенную часть их внутренних взаимодействий, облегчают складывание рационально организованной производственной специализации, в основе которой лежит иерархическое соподчинение младших – старшим, мирян – скитникам. Во-вторых, дискурс иночества, строящийся на легких для усвоения бинарных оппозициях «святое»/ «грешное», «чистое» / «нечистое», «правильное»/ «неправильное», становится самостоятельным инструментом для формирования территориальных и социальных связей – вертикально-властных или сетевых. В совокупности, это дает высокий кумулятивный эффект совместной деятельности и создает предпосылки для консолидации ресурсов.

Конфессионально-экономические модели староверов-странников можно квалифицировать как особый тип хозяйствования и управления, парадоксальным образом сочетающий попытки выхода за пределы потребительской замкнутой системы и стремление создать ее же, но уже в адаптированном, соотнесенном с реалиями времени виде. Ее сложно назвать в полной мере экономически устойчивой, однако ей трудно отказать в умении использовать преимущества корпоративного устройства и эсхатологического восприятия действительности для конструирования собственного жизненного мира.

Примечания:

1. Керов В.В. Хозяйственная культура и хозяйственное поведение старообрядцев в России XVIII–XIX в.: ценностно-институциональный подход // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2011. № 1. С. 40–57.
2. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 481–488.
3. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. С. 184–224.
4. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб.: изд-во С.-Петербур.ун-та, 2012. С. 186–204.
5. Дучак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: изд-во Том. ун-та, 2007. С. 172–198.
6. Мальцев А.И. Проблемы церковной организации и управления в сочинениях староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низкой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2003. С. 168–175.

7. Научная библиотека Московского государственного университета. Отдел редких книг и рукописей (НБ МГУ. ОРКиР). Пермско-Удмуртская колл., № 1434. 393 л.
8. Мальцев А.И. Старообрядческий наставник инок Арсений (А.В. Рябинин). Материалы к биографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 68–71.
9. Рябинин А.В. Увещание и извещение [публ.] // Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XIX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010.
10. Красный Яр: аудиозапись // Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Архив археографической экспедиции (НБ ТГУ. ОРКП. ААЭ). Кассета № 2.
11. Дело о поимке раскольниц Осиповой, Анны без фамилии и других // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 54. Д. 261.
12. О лжеепископе и раскольнике Никите Иванове (он же Вихляев) // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 763.
13. Волков В.Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии. Томск, 1896. 31 с.
14. Духович А. К вопросу о колонизации тайги. Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-чулымской тайги. Томск, 1896. 37 с.
15. Дело об открытии в городе Казани секты странников или бегунов // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1325. Л. 57 об.
16. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

References:

1. Kerov V.V. Hozhajstvennaja kul'tura i hozhajstvennoe povedenie staroobryadcev v Rossii XVIII–XIX v.: cenostno-institucional'nyj podhod // Vestnik RUDN. Ser. «Istorija Rossii». 2011. № 1. S. 40–57.
2. Ryndzjinskij P.G. Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii. M.: izd-vo AN SSSR, 1958. S. 481–488.
3. Mal'cev A.I. Starovery-stranniki v XVIII – pervoj polovine XIX v. Novosibirsk, 1996. S. 184–224.
4. Raskov D.E. Jekonomicheskie instituty staroobryadchestva. SPb.: izd-vo S.-Peterb.un-ta, 2012. S. 186–204.
5. Dutchak E.E. Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptacionnye vozmozhnosti taezhnyh obshhin staroverov-strannikov (vtoraja polovina XIX – nachalo XXI v.) // Tomsk: izd-vo Tom.un-ta, 2007. S. 172–198.
6. Mal'cev A.I. Problemy cerkovnoj organizacii i upravlenija v sochinenijah staroverov-strannikov (vtoraja polovina XIX – nachalo HH veka) // Istoricheskie i literaturnye pamjatniki «vysokoj» i «nizovoj» kul'tury v Rossii XVI–XX vv. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, 2003. S. 168–175.
7. Nauchnaja biblioteka Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel redkih knig i rukopisej (NB MGU. ORKiR). Permско-Udmurtskaja koll., № 1434. 393 l.
8. Mal'cev A.I. Staroobryadcheskij nastavnik inok Arsenij (A.V. Rjabinin). Materialy k biografii // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2000. № 2. S. 68–71.
9. Rjabinin A.V. Uveshhanie i izveshhenie [publ.] // Prokuratova E.V. Staroobryadcheskaja kul'tura Komi kraja XVIII–XIX vekov: knigopisnaja dejatel'nost' i literaturnoe tvorcestvo udorskih staroverov. SPb., 2010.
10. Krasnyj Jar: audiozapis' // Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisej i knizhnyh pamjatnikov. Arhiv arheograficheskoj jekspedicii (NB TGU. ORKP. AAJe). Kasseta № 2.
11. Delo o poimke raskol'nic Osipovoj, Anny bez familii i drugih // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 3. Op. 54. D. 261.
12. O lzheepiskope i raskol'nike Nikite Ivanove (on zhe Vihljaev) // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 3. Op. 4. D. 763.
13. Volkov V.T. K voprosu o zaselenii taezhnyh okrain Tomskoj gubernii. Tomsk, 1896. 31 s.
14. Duhovich A. K voprosu o kolonizacii tajgi. Ocherk popytok poselenij v juzhnoj chasti Mariinsko-chulymskoj tajgi. Tomsk, 1896. 37 s.
15. Delo ob otkrytii v gorode Kazani sekty strannikov ili begunov // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 1431. Op. 1. D. 1325.
16. Shhepanskaja T.B. Krizisnaja set' (tradicii duhovnogo osvoenija prostranstva) // Russkij Sever: K probleme lokal'nyh grupp. SPb.: izd-e Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 1995. S. 110–176.

УДК 271.22-9

Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX – начало XX в.)

Елена Ерофеевна Дутчак

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dee010@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о способах минимизации хозяйственных рисков в общинах староверов-странников. Исследование призвано уточнить зависимость между трактовками эсхатологического концепта «пустынь» и избираемыми религиозной группой конфессионально-хозяйственными стратегиями и практиками. Эти аспекты истории староверия раскрываются на материалах уголовного судопроизводства, полемических сочинений странников и полевых социально-антропологических исследований.

Ключевые слова: старообрядчество; эсхатология; экономическая устойчивость; риски.